

Адольф Гитлер

ПУТЬ К НОВОМУ ПОДЪЕМУ

Передана Эмилем Кирдорфом

Издательство Хуго Брукмана, Мюнхен, 1927

Перевод с немецкого: 2018 г.

Оригинал: Adolf Hitler, Der Weg zum Wiederaufstieg, Verlag Hugo Bruckmann, 1927.

О статье: «Путь к новому подъему» – это написанная летом 1927 года тайная брошюра Адольфа Гитлера, которая была обращена к промышленным кругам. Наряду с «Моей борьбой» и «Второй книгой» она является третьей дошедшей до нас большой письменной работой Гитлера. Она была частью усилий НСДАП, направленных на получение финансовой поддержки от крупной промышленности.

История возникновения

При посредничестве Эльзы Брукман 4 июля 1927 года состоялась беседа Гитлера и восьмидесятилетнего промышленника Эмиля Кирдорфа. Кирдорф был в таком восторге от слов Гитлера, что попросил его изложить свои размышления в форме брошюры. Кирдорф распространял эту брошюру, как он сказал в интервью «Прусской газете» в 1937 году, от своего имени в «кругах промышленности и экономики». Брошюра насчитывает 22 страницы и была напечатана в издательстве Хуго Брукмана.

Результатом брошюры стала встреча Гитлера с четырнадцатью не названными по именам экономическими лидерами в доме Кирдорфа. По свидетельству Кирдорфа участники встречи были «глубоко взволнованы захватывающими рассуждениями» Гитлера. Вольфганг Штреземан в своих воспоминаниях сообщает, что среди присутствующих был промышленник Курт Зорге, который рассказывал ему, что Гитлер своими словами «настолько захватил своих слушателей, принадлежавших к промышленной элите, что один из них даже решил сравнить его с Христом!».

Брошюра была найдена американским историком Генри Эшби Тёрнером в библиотеке крупного концерна «Гутехоффнунгсхютте» и опубликована в сентябре 1968 года. Точное число напечатанных экземпляров и их получатели неизвестны. Кирддорф напечатал ее также в своих неопубликованных воспоминаниях, которые хранятся в архиве горнодобывающей промышленности Бохума.

* * *

Глубокоуважаемый господин тайный советник!

С искренней радостью я выполняю Ваше желание и передаю Вам ниже изложение моих мыслей о современном положении Германии и надежд, которые я, вопреки всему, питаю на новый подъем нашего народа. Ведь радостное согласие тысяч моих слушателей снова и снова учит меня тому, что там, где наша раса и вид сохранились в чистоте, там остается живым также чувство великого германского наследия, которое доверено нам и которое обязывает нас всех. С этим чувством также продолжает жить воля к борьбе за внутренний и внешний новый подъем нашего народа. Насколько хватит моих сил, я хочу во мраке этих дней попытаться проложить этой воле путь, и я буду счастлив, если Вы, глубокоуважаемый господин тайный советник, захотите помочь распространению этих мыслей в Ваших кругах. Ибо я верю в их победу.

С немецким приветом

*Преданный вам
Адольф Гитлер.*

Мюнхен, август 1927 года.

В то время, когда одна часть нации предается ничем не обоснованному оптимизму, тогда как другая – и она, к сожалению, не самая худшая – вообще падает духом и разочаровывается в этих вещах, я хочу попытаться описать сегодняшнее положение, как я его вижу, и показать тот путь, который, по моему непоколебимому убеждению, только и может привести к спасению.

То, в чем я отдаляюсь как от оптимистов, так и пессимистов, я хотел бы поставить в самое начало своих рассуждений.

Я не могу заставить себя, даже при самом лучшем непредвзятом желании рассматривать нынешнее положение нашего народа как удовлетворительное или как пробуждающее надежду. И я даже не могу согласиться с тем, что вообще в течение последних десяти лет, неважно в какой момент, проявились какие-либо признаки улучшения или подъема, как обычно говорят сегодня. Даже в

области экономики т.н. консолидация – это либо необдуманый ложный вывод, либо сознательная ложь.

В действительности немецкий торговый баланс постоянно пассивен и заметно ухудшается в течение последних лет. Нация тратит больше, чем зарабатывает. Рецепт вызвать сбалансирование иностранными займами не помогает нам выйти из этого затруднительного положения. Не только вследствие этого ничего принципиально не меняется в нашем балансе, но и не подготавливается путь спасения для будущего. Наоборот, обусловленное этим растущее с каждым годом процентное бремя сталкивает нас во все большую зависимость от заграницы. И в остальном значительная часть национальной экономики, национального производства попадает в обезличенные руки надгосударственного финансового капитала, в то время как бесчисленные средние и малые предприятия, обеспечивающие существование людям, гибнут. Однако не только задолженность перед банками немецкой промышленности, но и задолженность перед банками немецкого сельского хозяйства непрерывно возрастает. Ее опасности сегодня еще могут оставаться скрытыми от самой большей части нашего народа, даже от глаз экономических кругов, однако, они существуют. Если это развитие продолжится тридцать лет, то немецкий народ потеряет самую большую часть своей прежней независимой экономики.

При этом общая безработица заметно не убавляется (сезонная работа и отмена пособий через 52 недели в настоящее время лишь отсрочивают картину), так что у нации подрастает новое сословие, которое она до сих пор не знала в таком виде, в такой форме и в таком объеме. Армия людей, в два или три раза больше нашей старой армии мирного времени, которая из-за многолетнего искоренения привычки к работе однажды воспримет эту утрату привычки уже как привычку, несмотря на это, однако, будет претендовать на право на жизнь в пределах нации за счет общности. Именно это количество – имеющие право на пособие и не имеющие право на пособие вместе – почти равняется тому количеству жителей, которое насчитывало прусское государство, когда оно вступило в первую Силезскую войну, в целом – мужчин, женщин и детей вместе.

Эти немногие факторы уже: с одной стороны, потеря самостоятельности национальной экономики с передачей ее в руки надгосударственных, международных финансовых сил или, по меньшей мере, ее контролем с их стороны, с другой стороны, потеря возможности работать для миллионов людей, – это самые видимые признаки упадка, т.е. противоположность «консолидации» или «оздоровления» немецкой экономики.

При этом внешняя видимость процветания так же мало может скрыть внутреннюю слабость, как когда-то перед войной внешний блеск и роскошь империи не должны были отвлекать внимание от ее внутренних недостатков.

Однако, не менее важную причину для моего обеспокоенного взгляда на экономику нашего народа я вижу в той несолидной, если не сказать, неприличной манере, которая сегодня, к несчастью, во все растущей мере стала средством экономической деятельности самых широких кругов. Спекуляция и обман могут тысячу раз «наколдовать» мимолетные успехи, но они – отнюдь не проявление внутреннего выздоровления или даже более высокого подъема. Принципиально об этом нужно заметить еще следующее:

Невозможность прокормить всю совокупность нашего народа из собственной земли принуждает нас, чтобы мы покинули внутренний кругооборот экономической жизни и ориентировали наше производство на экспорт. Однако, самой трудной проблемой для будущего будет отнюдь не рост производства, а скорее организация сбыта, продажи. Кроме Германии в настоящее время в Европе есть три государства, которые в пропитании своих граждан зависят от подобных предпосылок, что и Германия. Англия, Франция и Италия зависят от экспорта. Да, даже американский Союз (США) покидает чисто внутреннюю циркуляцию своей экономики и появляется как международный промышленный конкурент, чему благоприятствуют, однако, частично так же неистощимые, как и дешевые источники сырья. Особенно в области моторизации мира Америка, кажется, захватывает в свои руки весь всемирный экспорт. Нельзя забывать, что также в странах-импортерах медленно возникает и укрепляется промышленность, так что однажды находящиеся в более неблагоприятной ситуации государства, как например, Германия, должны будут считаться со спадом своих возможностей сбыта товаров.

К этому добавляется еще и то, что за граница, благодаря принудительным условиям во время войны, как и вследствие мирных договоров и сделанного благодаря им возможным и пользующимся поддержкой обширного промышленного шпионажа, прорвала значительное количество монопольных позиций немецкой промышленности на мировом рынке и выступает как опасный конкурент. Наконец, однако, за экономикой больших ведущих индустриальных государств остального мира стоит политическая мощь этих стран. И последнее решение в экономической борьбе в этом мире никогда еще не лежало в более или менее значительном трудолюбии и способности отдельных конкурентов, сколько скорее в силе меча, который они должны были бросить на чашу весов ради своего бизнеса и вместе с тем ради своей жизни.

Из-за этих и многочисленных других соображений я не в состоянии встать в ряд тех фантазеров, которые при каждом, даже если тысячу раз только мнимом улучшении моментального положения тут же говорят о возрастающем экономическом выздоровлении или прочности.

Но еще меньше причин для оптимизма я вижу в общем политическом развитии нашего народа. С 1918 года прошло уже почти девять лет. И это больше времени, чем между октябрём 1806 года и Битвой народов под Лейпцигом. Семи лет хватило тогда, чтобы вырвать прусское государство из поражения и настолько упорядочить его в политическом и в экономическом отношении, что оно было не только способно вести освободительные войны, но и смогло само заслужить себе свободу в буквальном смысле слова.

Я не верю в такую возможность сегодня, так как в жизни народа не бывает подарков, но немецкий народ, тем не менее, по своему современному экономическому и политическому поведению не имеет никакого внутреннего права надеяться на свободу. При этом я должен самым строгим образом выступить против тех, которые в непостоянной игре парламентских битв или в переменчивых результатах выборов время от времени ошибочно замечают симптомы политического подъема. Скорее следующий факт является установленным: Немецкий народ все сильнее распадается на два смертельно враждующих противостоящих лагеря. Они во все большей степени сплачиваются и противопоставляют друг другу, и превращаются в закрытые, самодостаточные организмы, из которых один, марксистский, как инородное тело внутри собственного народа отрицает все связи с нацией, чтобы вместо этого установить связь с аналогичными структурами других наций. Этот противоречащее всякому разуму отделение и отчужденность марксизма от собственного народа находит аналогичный пример только в ранней истории христианства, которое тоже как государство внутри римского государства поставило себя вне всеобщей общности интересов и вместе с тем стало причиной странного крушения этой мировой империи, которая больше не могла противопоставить натиску технически и организационно намного уступавшим римлянам толпам германцев сплоченное сопротивление всего государства.

По очень похожим причинам Германия проиграла мировую войну. Однако ввиду такого фактического состояния любая надежда на политический новый подъем – это самая чистая утопия. Так как предпосылкой для настоящего повторного подъема немецкой нации является не исполнение и удовлетворение таких и так многих требований дня, а скорее возвращение внутренней силы нации, которая лежит в общем солидарном понимании необходимости ее сохранения и возникающей из этого тесной связи. Но она-то и отсутствует.

Все же империя и немецкий национальный организм могут прожить еще определенное время, так же как пораженный туберкулезом человек также не умирает мгновенно. Только такая жизнь не тождественна здоровью.

Также я не могу согласиться с теми людьми, которые всегда рассматривают политику и, в особенности, внешнюю политику только как исполнение требования соответствующего часа, так же, как под жизнью они понимают только ежедневное удовлетворение чувства голода. Я хотел бы, напротив, причислить себя к тем, которые под политикой понимают задание проложить народу дорогу в будущее, в самые дальние времена, гарантировать ему не только предпосылки для сохранения его существования, но и предложить ему также общие возможности для выражения и наивысшего воздействия своей собственной сущности. Фраза «В немецкой сущности мир должен выздороветь» в противном случае бессмысленна в наше сегодняшнее время.

Я вижу, таким образом, задачу будущей немецкой политики коротко в следующем:

Каждый народ для развития своего собственного «Я» нуждается в необходимом пространстве в этом мире. Заданием политики является заботиться о том, чтобы к переменному количеству населения всегда приспособлялось и приравнивалось постоянное пространство. Так как народ может только тогда считаться здоровым, если он принимает участие в общей борьбе за существование, но предпосылкой этой борьбы является увеличение численности народа, то политика должна рассматривать в качестве своего наивысшего задания дать этому естественному империализму такое же естественное удовлетворение. Вместе с тем политика в наивысшем смысле – это задание сделать возможной борьбу за существование нации с помощью постоянного приспособления продовольственной базы к численности народонаселения.

Народ, политическое руководство которого отклоняется от этого принципа, может, конечно, прожить еще некоторое время, однако, тем не менее, в более близком или в более далеком будущем он обречен на смерть.

Чтобы выполнить эту миссию, нужна, однако, наряду с величиной отдельного человека, также и тесно объединенная во всеобщую общность интересов нация. И при этом нужно обратить внимание на три больших и существенных принципа.

Существование и будущее народов на этой земле лежат:

1. в их собственной расовой ценности;
2. в оценке, которую они дают значению личности;
3. в осознании того, что вся жизнь в этой вселенной называется борьбой.

Я вижу упадок сегодняшнего времени, однако, как раз в отрицании этих трех больших законов, и ни в коем случае не в маленьких неудачных действиях нашего нынешнего политического руководства.

Вместо народной и расовой ценности миллионы людей нашего народа почитают сегодня мысль интернационализма.

Вместо силы и гениальности личности ставят, в соответствии с сущностью бессмысленной демократии, большинство числа, т.е. в действительности слабости и глупости.

И вместо того, чтобы осознать и подтвердить необходимость борьбы, проповедают теорию пацифизма, примирения народов и вечного мира во всем мире.

Эти три преступления против человечества, которое мы всюду в истории можем увидеть как истинные признаки упадка народов и государств, и самый усердный пропагандист которых – это международное еврейство, это самые характерные признаки все больше господствующего над нашим народом марксизма. Я говорю «наш народ»; ибо как сильно марксизм как организация очерчен и ограничен, так сильно он уже сегодня как духовная эпидемия охватил почти весь наш народ, даже если у многих неосознанно. Но стоит лишь народу когда-то поддаться этим порокам, как больше нельзя говорить о «новом подъеме». И поэтому стабилизация нынешнего государства – это также на самом деле только медленное привыкание народа к всеобщему разложению и развалу. В соответствии с этим признаки всеобщего упадка бесчисленны и во всех областях жизни заметны глазу внимательного и честного наблюдателя. Наряду с уничтожением независимой экономики, разрушением политических основ, да, даже естественного инстинкта народа, продолжается оглушение нашего искусства, искажение нашего языка, разложение нашей души, отравление нашей общей культуры. Карликовость политических руководителей народа подходит к этой общей среде, так как она происходит оттуда.

И поэтому я отвергаю легкомысленный оптимизм этой большой кучи и ее нынешних руководителей.

Однако я не могу присоединиться и к рядам утративших все надежды пессимистов.

Причина вообще глубоко разочароваться в нашем народе существовала бы только тогда, если бы из трех предпосылок для величия и значения народа в этом мире отсутствовала первая: расовая ценность.

Так как отношение к ценности личности и к идее личности, а также понимание необходимости борьбы в этом мире и естественного права на это – это результаты руководства и воспитания нации. Это те добродетели, которые наш народ утратил из-за неправильного образования и плохого влияния, но которые он в любое время в состоянии обрести вновь, благодаря более добросовестному руководству.

О расовой ценности нашего народа, однако, я хотел бы сказать следующее: Определенно мы видели в последние десятилетия, как бесконечно грешили против этого народного организма, и как в особенности в наших крупных городах происходило и происходит непрерывное снижение нашего расового уровня по причине продолжительного скрещивания с частично неполноценным человеческим материалом. Только за годы после окончания войны оно уже не достигло большего прогресса, чем раньше; наоборот, наряду с необдуманной небрежностью уже появляется проницательное познание. Но я как раз хочу оценивать внутреннюю ценность нашего народа не по нынешним явлениям все-таки короткого периода продажного руководства, но скорее по свидетельствам нашей тысячелетней культуры, по тем всеобщим ценностям, которые наш народ дал человечеству, и по героизму, на который способен наш народ – как раз в силу его внутренней ценности. Против грязи нынешних дней наш народ должен применить историческую реальность величайшей борьбы всех времен. Сегодняшний народ капитуляции я еще знаю как народ самых славных побед, самого геройского самопожертвования, самой благородной дружбы и товарищества, наивысшей верности. Я не могу осуждать мой народ как ценность, так как небо когда-то дало мне счастье видеть проверку этого народа по его наивысшей ценности, на том поле битвы (Вальштатт – именно так), где все решает не фраза, а кровь. Так как я знаю, однако, немецкий народ оттуда, я твердо проникнут убежденностью в его ценности. При этом я оглядываюсь назад в историю немецкого прошлого и замечаю, что ни один в настоящее время живущий народ не породил больше великих людей, будь то государственные деятели или императоры, полководцы или князья науки и искусства, или короли в царстве идей, чем наш немецкий народ. Судьба всегда давала нашему народу великие умы, которых он заслуживал. Но о мужестве и

естественном чувстве борьбы немецкого народа не требуется даже и говорить. За это говорит немецкая история, которая на протяжении почти двух тысяч лет была всемирной историей.

Таким образом я рассматриваю ценность нашего народа также еще сегодня как неизменную данность, верю также еще сегодня в наличие только на первый взгляд пришедших в упадок личностных ценностей в нашем народе и в высшей степени всё ещё проникнут верой в его способность к борьбе. Только воспитание и руководство этого народа должно коренным образом измениться, чтобы снова помочь ему обрести свои ценности, также как государство.

И пусть теперь можно охватить масштаб и тяжесть как раз этой проблемы во всем ее значении, можно во всем ее объеме осознать силу позиции совратителей нашего народа, инертность массы, которая безвольно поддается им, но все равно из этого возникает вовсе не право на робкое разочарование, а как раз обязанность сопротивляться.

В это время необходимо впитать в себя тот фридриховский дух, который гласит: «Не важно, что ты живешь, главное, чтобы ты исполнял свой долг».

Но наивысший долг сегодня – не капитулировать перед явлениями упадка, а героически противостоять им, не падать духом, а гордо бороться со стиснутыми зубами, чтобы провозглашать ту наивысшую веру, которая покоится в живом убеждении, что все, что было создано в этом мире людьми, может быть разрушено людьми, и что не существует такого творения дьявола, которое не уничтожит святая воля.

Но это и есть моя вера.

Исходя из нее было основано национал-социалистическое движение.

В осознании того, что действующие факторы нашей сегодняшней политической жизни, зараженные всеобщим духом времени, осознанно или неосознанно частично организовали широкую массу в пагубном направлении, частично в ленивом безразличии сделали ее лишенной воли к сопротивлению, так что она больше сама не хочет или не может вызвать перемену по собственной инициативе, это движение с принятием общей, так сказать, рамочной программы осуществило свою собственную организацию, не только как фактор парламентской борьбы, но и как зародыш и боевой отряд новой империи.

Это движение повинуетя только трем самым существенным потребностям для будущего народа.

Оно видит наивысшую ценность в народности и расе как таковых, оно основывается на оценке личности, и оно воспитывает к готовности к самопожертвованию, к одобрению борьбы.

Оно видит проблему не в решении какого-либо вопроса о большинстве или в достижении какой-то конкретной коалиции, в назначении другого правительства, или подготовке лучших выборов, а скорее исключительно в воспитании вышеупомянутых принципов и в устранении произошедшего из-за недооценки этих принципов и воздействий марксизма разрыва нашего народного организма.

Новое движение категорически отвергает любое классовое и сословное разделение и провозглашает вместо этого всеобъемлющую немецкую ориентацию. Оно не питает иллюзий, что этой переориентации можно достичь только благочестивым обучением. Нет, оно убеждено, что движение сначала должно в форме самого себя дать доказательство возможности такой переориентации и затем, что со временем потребуетя добиться общего воспитания нации в соответствии с этой точкой зрения, если необходимо также посредством самой тяжелой борьбы. Оно видит право на это в осознании этой потребности. Вместе с тем движение на место господствующего сегодня международного идейного направления осознанно и целеустремленно ставит твердо очерченное националистическое направление; на место демократического обожествления масс («народобесия» – прим. перев.) – безусловный авторитет личности, и на место пацифистского заражения – воспитание сопротивления и борьбы. Движение при этом знает, что такое развитие, во-первых, не может быть инициировано сверху вниз, а что оно должно вырасти как все великие явления всемирной истории, из внутренней части народа; во-вторых, что такое развитие не приветствуется, а также и не может приветствоваться представителями господствующего в настоящее время режима, а что оно должно избрать своим путем путь борьбы против угнетения; и, в-третьих, что успех не наступит быстро, и что только железное упорство и несказанное терпение дают право на успех, смысл и значение которого состоит не в победе над нынешней ситуацией, а скорее в преодолении давно въевшейся порчи и ее более глубоких причин.

При этом движение исходит из понимания того, что будущее народа не гарантируется только экономикой самой по себе. Оно видит в экономике только необходимую служанку в жизни народного организма и народного духа. Оно воспринимает независимую национальную экономику как необходимость, но оно видит в ней не нечто первичное, не создательницу сильного государства, а

наоборот: только сильное националистическое государство может дать такой экономике защиту и свободу ее существования и развития.

Национал-социалистическое движение осознает также в качестве самой существенной предпосылки для решения этой задачи и для образования единого национального организма полное включение так называемого четвертого сословия в народную общность. Оно видит в этом не теоретическую проблему, а важнейшую предпосылку для жизни нашего народа.

Оно желает, чтобы эта многомиллионная масса нашего народного достояния была отобрана из рук ее нынешних международных, в большинстве случаев ненемецких совратителей и вождей и нашла свое полное включение в рамки нации и государства. Сначала движение осуществляет в качестве примера этот процесс в своих собственных рядах и тем самым дает доказательство возможности осуществления этого решения. При этом оно рассматривает исполнение социально правомочных требований как естественные, на самом деле вообще только мнимые уступки, которым противостоят огромные ценности (именно так) охватывающей всю нацию глубокой внутренней общности всех и возникающей из этого силы.

Оно формулирует из обоих до сих пор неверно понимаемых и поэтому разделяющих понятий «национализм» и «социализм» одно новое связанное понятие, в то время как оно констатирует, что наивысший национализм по существу тождественен с наивысшей заботой о народе, а наивысший социализм тождественен с наивысшей любовью к народу и отечеству, и, следовательно, и то и другое представляет собой ответственное исполнение одного и того же национального долга.

Оно создает вместе с тем то понятие, на основе которого становится возможным объединить лучших людей нашего народа из всех лагерей.

Оно знает, что оно вместе с тем объявляет борьбу против гигантских группировок, против эгоистичных отдельных лиц во всех лагерях и не в меньшей степени против всеобщего удобного покоя; только оно делает это в убеждении, что такой сломленный народ как немецкий можно спасти из его всемирно-исторической катастрофы не новым предвыборным лозунгом, а только новым внутренним кредо, которое так же сильно происходит от осознания самого себя, как и полно решимости для преодоления причин прежних слабостей. Оно вместе с тем во время всеобщей капитуляции или летаргического безразличия определяет поистине высокую, желанную цель и формирует в борьбе за эту цель веру, которая должна дать и со временем даст новую внутреннюю ценность жизни миллионов людей.

При этом у самого меня нет иллюзий о тяжести этой борьбы. Сам я никогда не смог бы всерьез поверить в новый подъем нашего народа, если бы величие борьбы как раз не доказало бы его внутреннее право на такую победу. Народ, который до конца сражался в этой мировой войне и, наконец, все же рухнул из-за внутренних недостатков и слабостей, не должен надеяться заменить парламентскими или дипломатическими мошенничествами кровавые жертвы тысяч полей сражения или смочь этим исправить всемирную историю.

Внутренняя организация национал-социалистического движения была основана в 1919 году. Она возникла из ничего. Сначала ее просто высмеивали, не принимали ее всерьез, и сегодня она, тем не менее, существует. Она возникла против всех сил общественной жизни, так как она – не военизированная организация для защиты сегодняшнего государства, а боевая организация для борьбы с ним и для создания новой империи. Ее руководителей нельзя причислять к так называемым «видным деятелям» былых времен. Я сам еще десять лет назад как солдат с доверчивой душой маршировал в рядах великой армии, исполнял свой долг и надеялся на победу. Если бы судьба тогда призвала меня, мое имя также было бы погребено под монументом неизвестного солдата. Но судьба вывела меня из этой неизвестной массы и сделала меня руководителем движения, имя которого сегодня, по меньшей мере, знает каждый немец. С гордостью я могу отметить, что в течение этих лет я никогда не капитулировал перед общественным мнением, а скорее всегда шел тем путем, который предписывали мне долг и сознание, без оглядки на благосклонность или ненависть того, что называет себя народом. И я старался привить это также основанному и руководимому мной движению. В борьбе против трусости и изменчивости общественного мнения, против лжи и измены оно выросло и укрепилось.

Национал-социалистическое движение – это не парламентская партия. Оно не ожидает того, что вопросы судьбы немецкой нации могут быть решены путем определения большинства. Оно только убеждено, что дух, который оно проповедует, однажды станет также духом того института, который как последний остаток и в то же время как школа для будущего остался от старой армии. Организация оборонной силы народа, будь она велика или мала, всегда находится во внутренней связи с учением о ценности личности, борьбы и любви к отечеству.

Невольно и неосознанно движение и армия со временем сблизятся в той же мере, в какой официальное государство станет еще более разложившимся в национальном отношении, обесценившимся в личностном плане, и по-пацифистски более трусливым.

За семь лет прогрессирующей деформации немецкого народного и национального организма медленно проросло государство в государстве, которое в мировоззренческом и политическом отношении станет Пруссией грядущих лет.

Я верю в победу.

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода.](#)